

А. С. СТЕПАНОВА

Псевдоантитеза в рассказе А. П. Чехова «Ионыч»

Рассказ А. П. Чехова «Ионыч» (1898) — один из самых известных в творчестве писателя. Его неизменно называют в числе тех произведений, где с особенной силой прозвучала тема обличения обывательского мира, пошлости. Например: «...На нескольких страницах показана, в сущности, история целой жизни земского врача Дмитрия Ионыча Старцева, история его опошления»*. Считается, что здесь проявились и такие характерные черты чеховского стиля, как отсутствие морализаторского пафоса, прямой авторской оценки персонажей и т. п., которые тем не менее выражены посредством различных художественных приемов. Хрестоматийным примером (вошедшим в школьные учебники по литературе), иллюстрирующим этот тезис, стал эпизод, когда Вера Иосифовна читает свой роман. Приведем его полностью:

«Потом все сидели в гостиной, с очень серьезными лицами, и Вера Иосифовна читала свой роман. Она начала так: “Мороз крепчал...” Окна были отворены настежь, слышно было, как на кухне стучали ножами, и доносился запах жареного лука... В мягких, глубоких креслах было покойно, огни мигали так ласково в сумерках гостиной; и теперь, в летний вечер, когда долетали с улицы голоса, смех и потягивало со двора сиренью, трудно было понять, как это крепчал мороз и как заходившее солнце освещало своими холодными лучами снежную равнину и путника, одиноко шедшего по дороге; Вера Иосифовна читала о том, как молодая, красивая графиня устраивала у себя в деревне школы, больницы, библиотеки и как она полюбила странствующего художника, — читала о том, чего никогда не бывает в жизни, и все-таки слушать было приятно, удобно, и в голову шли всё такие хорошие, покойные мысли, — не хотелось вставать.

— Недурственно... — тихо проговорил Иван Петрович.

* *Белкин А.* Читая Достоевского и Чехова: Статьи и разборы. М., 1973. С. 189.

А один из гостей, слушая и уносясь мыслями куда-то очень, очень далеко, сказал едва слышно:

— Да... действительно...

Прошел час, другой. В городском саду по соседству играл оркестр и пел хор песенников. Когда Вера Иосифовна закрыла свою тетрадь, то минут пять молчали и слушали “Лучинушку”, которую пел хор, и эта песня передавала то, чего не было в романе и что бывает в жизни» (10, 26).

Комментарии литературоведов и школьных методистов в основном сводятся к следующему: «“Лучинушка” выступает антитезой нежизненным романам Веры Иосифовны Туркиной и игре на пианино Котика...»*. Подобные суждения можно найти во многих работах, посвященных Чехову.

Принципиально иное мнение по поводу рассказа «Ионыч» было высказано А. П. Чудаковым. Он писал о том, что герой рассказа не претерпевает существенной эволюции: «...На поверку прослеженности изменений в характере — в толстовском смысле — нет... а есть, как и везде у Чехова, ряд обнаружений, зафиксированных внешним образом: меняются “средства передвижения”, являются новые “развлечения” — считать по вечерам деньги. Эволюция в строгом смысле, когда последующее состояние — результат накопления неких качеств в предыдущем, отсутствует». Исследуя роль детали в произведениях Чехова, А. П. Чудаков, в частности, отметил: «Чеховскому изображенному быту вообще сильно досталось в литературоведении. Туркины (“Ионыч”) всегда так осуждаются за то, что у них “в кухне стучали ножами и пахло жареным луком”, а Ольга Семеновна (“Душечка”) за то, что за воротами ее дома пахло “борщом и жареной бараниной или уткой”, — как будто сами критики не едят ни котлет с луком, ни борща. <...> Рисуемый Чеховым быт не осуждается и не эстетизируется. Он разнолик, и присваивать ему однозначный предикат значило бы видеть у Чехова “направление” и “тенденцию” — худшее, что, по его мнению, может быть у писателя»**.

В последнее время стали появляться статьи, в которых традиционное понимание рассказа преодолевается и хорошо известные примеры получают далеко не однозначную трактовку***.

* Баронова М. М. ЕГЭ за 30 дней: Русский язык. Экспресс-репетитор. М., 2011. С. 175.

** Чудаков А. П. Мир Чехова: возникновение и утверждение. М., 1986. С. 305–306, 227.

*** Особенно хочется отметить статью В. М. Марковича «Пушкин, Чехов и судьба “лелеющей душу гуманности”» (1996), едва ли не первую в числе этих исследований, которая была посвящена проблемам изображения семейного быта в «Евгении Онегине» и в рассказах Чехова «Учитель словесности» и «Ионыч». См.: Маркович В. М. Пушкин, Чехов и судьба «лелеющей душу гуманности» // Маркович В. М. Пушкин и Лермонтов в истории русской литературы. СПб., 1997. С. 95–115.

На наш взгляд, семантика песни «Лучинушка» в контексте рассказа «Ионыч» до сих пор не была изучена, и потому мы решили уделить внимание этому вопросу.

Начать, как нам кажется, нужно с того, что неизвестно, какой именно вариант песни имел в виду Чехов. Так, автор статьи с характерным названием «Лучинушка vs Крепчающего мороза» в «Живом журнале» пишет, что «обнаружил 8 Лучинушек в сети»*, — в том числе народный вариант песни, исполнявшийся Ф. Шаляпиным, а также авторские варианты — на стихи Н. А. Панова и на стихи С. Н. Стромиллова («То не ветер ветку клонит...», музыка А. Е. Варламова). С начала XIX в. «Лучинушка» («Лучина») получила широкое распространение, стихи и ноты публиковались в сборниках популярных песен. Во всех вариантах этой песни рассказывается о нелегкой доле молодой замужней крестьянки, которая живет в доме мужа, с невлюбившей ее свекровью; варьируется строчка: «Что же ты, лучинушка, не ясно горишь?»

Получается, что в «Ионыче» судьба «молодой, красивой графини», которая «устраивала у себя в деревне школы, больницы, библиотеки» и «полюбила странствующего художника», противопоставляется тяжелой жизни в доме мужа молодой крестьянской женщины, — это с одной стороны. С другой — песню «Лучинушка» можно связать и с намечающимся романом Ионыча и Екатерины Ивановны. Песня как бы предвосхищает несчастливое развитие их взаимоотношений: то, «что бывает в жизни» («несчастливый брак, нелюбимый муж, “свекровь лютая”, супружеские измены»**), служит антитезой влюбленности и мечтам героев. «Короче говоря, упоминание “Лучинушки” — привет от классического реализма (например, от “Грозы” Островского)»***.

Однако вопрос о семантике песни «Лучинушка» оказывается гораздо сложнее: к концу XIX в. она «обросла» устойчивыми культурными коннотациями.

По-видимому, в XIX в. «Лучинушка» входила в репертуар ямщиков. Именно в качестве ямщицкой песни она упоминается Пушкиным в незавершенном стихотворении 1833 г. «В поле чистом серебрится...»:

В поле чистом серебрится
Снег волнистый и рябой,
[Светит месяц], тройка мчится
По дороге столбовой.

* *Dimmho*. «Лучинушка vs Крепчающего мороза» // Livejournal Dimmho. Запись от 05.07.2009 г. URL: <http://dimmho.livejournal.com/229139.html> (дата обращения: 26.11.2014).

** *Звяняцковский В.* Аксиография Чехова. Винница, 2012. С. 343.

*** Там же.

Пой: в часы дорожной скуки,
На дороге, в тьме <ночной>
Сладки мне родные звуки
Звонкой песни удалой.

Пой, ямщик! Я [молча], жадно
Буду слушать голос твой.
Месяц ясный светит хладно,
Грустен ветра дальный вой.

[Пой: «Лучинушка, лучина,
Что же не светло горишь?»]*.

В 1857 г. Н. А. Добролюбов написал стихотворение «Дорожная песня», в котором горящая лучина становится своего рода символом борьбы с «темным царством».

Мчитесь, кони, ночью влажной.
Пой «Лучину», мой ямщик:
Этой жалобы протяжной
Так понятен мне язык!..

Ты и я, все наши братья,
Наши лучшие друзья,
Все узнали, без изъятья,
То, что так крушит тебя.

Пой, ямщик, твоя кручина
И во мне волнует кровь:
Ведь и мне мою лучину
Облила водой свекровь.

А то как было в избушке
Хорошо она зажглась!..
Бог простит моей старушке:
Тьма по сердцу ей пришлась.

Мчитесь, кони, ночью влажной,
Пой «Лучину», мой ямщик:
Этой жалобы протяжной
Так понятен мне язык!..**

* Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М., 1937–1949. Т. 3. С. 307.

** Добролюбов Н. А. Собр. соч.: в 9 т. М.; Л., 1961–1964. Т. 8. С. 59–60.

Как ни соблазнительна мысль о том, что «Лучинушку» в русскую литературу «ввел» Пушкин, а Добролюбов переосмыслил эту тему в народническом духе, — в действительности это не так. Незавершенное стихотворение Пушкина впервые появилось в печати лишь в 1884 г., то есть значительно позже смерти Добролюбова. «Дорожная песня» Добролюбова была опубликована вскоре после его кончины, в начале 1862 г., в журнале «Современник», в числе других его стихотворений.

Ко времени публикации обоих стихотворений «Лучинушка» не раз отмечалась в литературе как популярная мелодия в исполнении шарманщиков. Например, в очерке Д. В. Григоровича «Петербургские шарманщики», изданном в Некрасовском сборнике «Физиология Петербурга» (1845): «Вдруг посреди безмолвия и тишины раздаётся шарманка; звуки “Лучинушки” касаются слуха вашего, и фигура шарманщика быстро проходит мимо. Вы как будто бы ожили, сердце ваше сильно забилося, грусть мгновенно исчезает, и вы бодро достигаете дома. Но не скоро унылые звуки “Лучинушки” перестанут носиться над вами; долго еще станет мелькать жалкая фигура шарманщика, встретившаяся с вами в темном переулке поздно ночью...»*.

Кроме очерка Григоровича, как мелодия шарманок «Лучинушка» упоминается в романе Н. А. Некрасова и А. Я. Панаевой «Три страны света» (1849), в рассказе Ф. М. Достоевского «Скверный анекдот» (1862), в романе В. В. Крестовского «Петербургские трущобы» (1866), — вероятно, это неполный перечень.

Можно говорить о том, что песня «Лучинушка» входит в русскую литературу как социально маркированная, как песня *городской* бедноты (думается, не последнюю роль в этой метаморфозе сыграло то, что мелодия песни исполнялась без текста). Иными словами, судьба молодой замужней крестьянки становится метафорой подневольной жизни народа. Не случайно уже в 1870-е гг. ее «взяли в оборот» революционеры-народники, сочинив на мотив «Лучинушки» песню «Свободушка»**; один из сборников песен, составленных толстовцем И. И. Горбуновым-Посадовым, получил название «Лучинушка» (М.: Посредник, 1912).

Во второй половине XIX в. мелодию «Лучинушки» можно было услышать в трактирах, где ее исполняли оркестрионы (или попросту «маши-

* Физиология Петербурга. М., 1991. С. 70.

** Текст песни «Свободушка», ставшей одной из самых популярных в революционной среде, см., например, в сборнике «Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков» (Т. 2. С. 177). С. А. Рейсер в комментарии к этому изданию пишет, что в 1877 г. в Петербурге революционер-рабочий П. А. Моисеенко «вместе с товарищами организовал хор с бубенцами и плясунами. Эта группа певцов исполняла с агитационными целями в пивных и трактирах района Обводного канала в Петербурге песни “Долго нас помещики душили...”, “Свободушка” и др.» (Там же. С. 496).

ны») — механические музыкальные инструменты, имитировавшие игру целого оркестра*. «Трактирная машина, гудевшая “Лучинушку”» — деталь из повести Г. И. Успенского «Неплательщики» (1870); «излюбленную “Лучинушку”» включил в описание знаменитого трактира «Крым» В. А. Гиляровский, вспоминая старую Москву («Москва и москвичи», 1926).

В 1856 г. А. Н. Островский написал пьесу «Доходное место», в которой все 3-е действие происходит в трактире, а в конце этого действия Жадов под сопровождение «машины» поет «Лучинушку».

«Василий (трактирный половой. — А. С.), по приказанию из другой залы, заводит машину. Машина играет “Лучинушку”. Жадов пьет.

[Ж а д о в.] «Лучина, лучинушка, березовая!..»

В а с и л и й. Пожалуйте-с! Нехорошо-с! Безобразно-с!

Ж а д о в машинально надевает шинель и уходит»**.

Остановимся на пьесе «Доходное место» подробнее, и не только в связи с песней «Лучинушка», но и потому, что пьеса Островского является одним из претекстов чеховского «Ионыча». Кстати, нами было замечено еще одно текстуальное совпадение. В рассказе «Ионыч» Пава дважды трагическим тоном произносит: «Умри, несчастная!» В «Доходном месте» Кукушкина учит свою дочь Полину (жену Жадова): «Да ты уж лучше умри, несчастная, чтоб не разрывалось мое сердце»***.

Пьеса «Доходное место» вышла из печати в 1857 г. (за журнальной публикацией в том же году последовало отдельное издание), однако «из-за острого содержания, в котором явственно была выражена мысль о необходимости перемен в системе государственного устройства... резолюцией начальника III отделения была запрещена для постановки в театре»****. Лишь осенью 1863 г. премьерные спектакли прошли в обеих столицах, с тех пор пьеса стала одной из самых репертуарных в русском театре.

Небезынтересно, как финал третьего действия исполнял артист Николай Ходотов (роль Жадова он впервые сыграл в 1913 г.): «...“Машина” играла по чьему-то приказу “Лучинушку”, и чуть выпивший, сжигаемый

* Оркестрион «приводился в действие пружинным или пневматическим устройством, вращавшим металлический вал с штифтами (шипами), в порядке расположения которых фиксировалась музыкальная пьеса (позднее использовалась бумажная или картонная перфоленга)» (Музыкальный энциклопедический словарь. М., 1990. С. 401).

** Островский А. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. М., 1973–1980. Т. 2. С. 82.

*** Там же. С. 92.

**** Овчинина И. А. «Доходное место» // А. Н. Островский: Энциклопедия. Кострома; Шуя, 2012. С. 152.

тоской Жадов — Ходотов начинал сперва очень тихо, а потом все громче и громче подпевать ей: «Лучина, лучинушка березовая!» Он пел и еле слышно всхлипывал и снова вытягивал длинные ноты «бе-ре-зо-ва-я», и всхлипывал чаще, и пел громче, и в конце концов начинал громко неутешно, по-ребячьи рыдать. Публика буквально застывала в каком-то оцепенении. Когда половой Василий медленно уводил со сцены рыдающего Жадова, плакал весь зрительный зал. Успех этой сцены был всегда необыкновенный. Занавес после третьего акта давали, без преувеличения, от пятнадцати до восемнадцати раз!»*

Конфликт пьесы «Доходное место» основан на противопоставлении главного героя «среде». Жадов закончил университет и теперь служит в канцелярии, где «на каждом шагу» видит «мерзости». Как обличитель взяточничества Жадов произносит страстные монологи о том, что намерен жить собственным трудом. Он берет в жены бесприданницу, бросая вызов всему окружению, которое его отвергает. Но проходит около года (к этому времени и относится сцена в трактире), и Жадов говорит: «Какой я человек! Я ребенок, я об жизни не имею никакого понятия. <...> Мне тяжело! Не знаю, вынесу ли я! Кругом разврат, сил мало! Зачем же нас учили!»** Песня «Лучинушка» символизирует крах его прекраснодушных мечтаний. Пройдя испытания безденежьем, едва не сломленный, в финале пьесы Жадов все-таки остается верен своим прежним убеждениям.

В рассказе «Ионыч» обозначен тот же конфликт: молодой, образованный, полный сил герой попадает в обывательскую среду губернского города. Однако сюжетные линии, сближающие рассказ «Ионыч» с пьесой Островского, у Чехова осложнены. Многие исследователи отмечали, что Старцев не стал бороться за свои идеалы, что среда не отталкивает, а принимает его. Размышляя о женитьбе, он про себя отмечает: «А приданого они дадут, должно быть, немало» (10, 32). Лишь в 4-й главке, — когда Старцев уже обманулся в любви, «пополнел, раздобрел» и ездил «не на паре, а на тройке с бубенчиками», оказывается, что «обыватели своими разговорами, взглядами на жизнь и даже своим видом раздражали его»; выясняется, что он пытался пропагандировать либеральные ценности: «Опыт научил его мало-помалу, что пока с обывателем играешь в карты или закусываешь с ним, то это мирный, благодушный и даже не глупый человек, но стоит только заговорить с ним о чем-нибудь несъедобном, например, о политике или науке, как он становится в тупик или заводит такую философию, тупую и злую,

* Малютин Я. О. Ходотов в жизни и на сцене // Ходотов Н. Н. Близкое — далекое. Л.; М., 1962. С. 5.

** Островский А. Н. Указ. соч. С. 81–82.

что остается только рукой махнуть и отойти...» (10, 35). По сравнению с пьесой Островского в рассказе Чехова все происходит как бы наоборот: женитьба героя не состоялась, но не из-за материальных трудностей; Старцев много работает («нужно трудиться... без труда жить нельзя» — 10, 35), и это приносит ему доход, но он становится все более жадным до денег. Как пишет В. Б. Катаев, «“Ионыч” — рассказ о том, как неимоверно трудно оставаться человеком, даже зная, каким ему следует быть. Рассказ о соотношении иллюзий и подлинной (страшной в своей обыденности) жизни»*. На наш взгляд, эти слова можно в равной мере применить и к пьесе «Доходное место», и к рассказу «Ионыч».

И еще одно произведение напрямую связано с интересующей нас темой, — это роман А. Ф. Писемского «Тысяча душ» (опубл. 1858), который в рассказе Чехова читает Котик.

Сюжетные параллели «Тысячи душ» Писемского и «Доходного места» Островского, с одной стороны, и «Тысячи душ» и рассказа «Ионыч» — с другой, отмечались исследователями: это и попытки «честного чиновника» бороться со злом, и нравственный выбор, который ему предстоит совершить, так или иначе связанный с женитьбой**. Нам хотелось бы обратить внимание на эпизод в романе Писемского, во время которого исполняется «Лучинушка».

На именины князя собирается вся «уездная аристократия», на дворе построены длинные столы для народа, который угощается водкой, пивом и пирогами. Выпив, мужики начинают петь песни. Их пение производит впечатление на князя и гостей: «“С'est charmant”, — проговорил князь...». Запевалу подводят к террасе.

«По желанию всех тот запел “Лучинушку”. Вся задушевная тоска этой песни так и послышалась и почувялась в каждом переливе его голоса.

Княгиня, княжна и Полина устали на певца свои лорнеты. М-р ле Гран вставил в глаз стеклышко: всем хотелось видеть, каков он собой».

По окончании песни местная знать аплодирует и бросает певцу деньги.

«— Понравилось, видно, вам? — отнесся инвалидный начальник к почтмейстеру, который с глубоким вниманием и зажав глаза слушал певца.

— Пение душевное... — отвечал тот.

* Катаев В. Б. Сложность простоты. Рассказы и пьесы Чехова. М., 1998. С. 20.

** См., например: Зубков К. Ю. Повести и романы А. Ф. Писемского 1850-х гг.: Повествование, контекст, традиция: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. С. 19–20; Никифорова О. Б. История доктора Старцева в системе литературных параллелей // «До самой сути...» In memoriam: И. В. Егоров. Гродно, 2014. С. 153–163.

— То-то пение душевное; дали бы ему что-нибудь! — подхватил инвалидный начальник, подмигнув судьё»*.

Возможно, это единственный случай в русской литературе, когда писатель откровенно иронизирует над восприятием «Лучинушки» «господами»: они получают от песни лишь эстетическое удовольствие, но она не пробуждает в них чувства единства с простым народом.

На наш взгляд, похожим образом воспринимают «Лучинушку» и в гостиной Туркиных. Чехов вводит важную деталь, которую всегда упускают при анализе этого эпизода: в «Ионыче» «Лучинушку» поет в городском саду, в сопровождении оркестра, хор песенников. Иначе говоря, исполнение песни оторвано и от конкретной жизненной ситуации (женской судьбы), и от деятельности революционно-агитационного подполья, а становится фактом искусства и в такой же мере не имеет ничего общего с жизнью, как и роман Веры Иосифовны.

Так называемая антитеза «роман Веры Иосифовны / народная песня», на которую указывают исследователи, возникает в косвенной передаче ощущений главного героя. Как нам кажется, это противопоставление типично для человека, придерживающегося либеральных взглядов. Рискнем предположить, что восприятие Ионыча в данном случае лишено индивидуальных качеств. Он реагирует на песню «Лучинушка» почти рефлексивно, не ощущая при этом, что если роман Веры Иосифовны состоит из литературных штампов, то и песня «Лучинушка», без сомнения, относится к их числу.

* *Писемский А. Ф.* Тысяча душ. М., 1971. С. 184–185.